

в 1974 г. — 52% населения, а к 1985 г. услугами библиотек пользовалось уже более 60% населения области (*Там же. Оп. 6. Д. 145. Л. 1; Оп. 7. Д. 29, Л. 46; Оп. 8. Д. 138. Л. 6*).

Однако не везде организация библиотечного обслуживания была удовлетворительной. Нередко ценные книги лежали без движения, не доходили до читателя, обращаемость книжных фондов оставалась низкой. Многие библиотеки были размещены в тесных непригодных помещениях, например, областная библиотека располагала общей площадью в 305 м², а на имеющийся книжный фонд и число читателей необходима площадь в 1 250 м², т.е. в 4 раза больше (*Там же. Д. 168. Л. 3*). Кроме того, многие библиотеки к тому же не были оснащены необходимым библиотечным оборудованием и техническими средствами.

Кадровый же состав, хотя и медленно, но ежегодно пополнялся квалифицированными специалистами, если в 1965 г. работало всего 186 специалистов, из них с высшим образованием 4% (8 чел.), то в 1985 г. из 319 штатных сотрудников, выше образование имели 36% (115 чел.) (*Там же. Оп. 9. Д. 272а. Л. 5–6; Оп. 3. Д. 26. Л. 37*). Управление и отделы культуры из года в год увеличивали число молодых людей, направляемых в вузы и училища края, Сибири.

Таким образом, в данный период наблюдалась положительная динамика развития библиотечного дела. За 10 лет количество библиотек в области возросло больше чем в 2 раза, увеличилось и количество читателей. Но, не смотря на высокие показатели, имелись и пробелы. Необходимо было постоянно совершенствовать материально-техническую базу, повышать профессиональный уровень специалистов.

И.С. ЦЫРЕМПИЛОВА

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БУРЯТИИ В 1920-е гг.

Проблема государственно-церковных взаимоотношений приобретает особую актуальность в контексте общественных процессов современной России. Сложность религиозной ситуации как в стране в целом, так и в отдельных регионах, существующие проблемы в межконфессиональном взаимодействии, отсутствие четкой концепции государственной политики в вероисповедной сфере определяют необходимость обращения к учету исторического опыта.

В нашей статье представлен анализ особенностей государственно-церковных взаимоотношений на территории Бурятии в 1920-е гг., характеризующиеся как период социально-экономических и культурных трансформаций. В рассматриваемый период уникальность и специфичность

Бурятии определялась ее многоконфессиональностью, значительной ролью вероисповеданий и огромным влиянием духовенства. На территории региона были представлены все основные религиозные конфессии, не считая сект, обществ и групп верующих различного толка.

Религиозные конфессии Бурятии (данные на 1922 г.)

Вероисповедание	Религиозные объединения	Здания культа	Верующие	Служители культа
Православное	211	154	83 234	137
Буддийское	46	46	77 830	7 419
Старообрядческое	81	81	22 700	81
Иудейское	7	7	460	7
Магометанское	6	5	389	6
Евангелистское христианское	5	5	91	5
Римско-католическое	1	1	80	1
<i>Всего</i>	357	299	184 784	7 656

Как свидетельствуют данные таблицы, самой многочисленной конфессией по количеству верующих была Русская православная церковь (*таблица составлена по: ГАРФ. Ф. р.-5263. Оп. 1. Д. 130. Л. 53–54, 59–60*). По количеству духовенства первенство принадлежало буддийской церкви, где в среднем на одного ламу приходилось до десяти верующих; среди православных — соответственно один церковнослужитель на шестьсот человек. При этом православное духовенство испытывало постоянный дефицит кадров, зачастую построенные и освященные храмы вставали перед проблемой: церковь вполне могла остаться без причта в составе священника и псаломщика, став приписной. В целом, православное духовенство в отличие от ламства, не представляло собой монолита, что было обусловлено его некастовостью, отсутствием солидного слоя священнослужительских династий, разночинским составом и др. (*Косых В.И. Забайкальская епархия накануне и в годы первой российской революции. Чита, 1999. С. 40*).

На территории Бурятии реализация законодательного массива, направленного на ограничение прав религиозных институтов, стала возможна с 1920 г., после окончательного установления советской власти. В первую очередь, репрессивные меры коснулись священнослужителей, относящихся враждебно к советской власти, после отступления войск А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова. Так, 31 января 1920 г. священник Кударинской Троицкой церкви, Федор Туркин был убит в своем доме вошедшими к нему двумя партизанами; 9 марта настоятель Калгинской Троицкой церкви Федор Успенский «был арестован проходившим отрядом большевиков, отведен в пос. Солонцы и там расстрелян 11 марта» (*ГАЗК. Ф. р.-422. Оп. 2. Д. 534. Л. 1, 3*). Протоирей Казаков из Троицко-савска был арестован «за участие в решении городской Думы ввести китайские войска в 1920 г.», иеромонах Виталий Носов был арестован

за агитацию против Советской власти, «просидел вместе с настоятелем (Троицко-Селенгинского монастыря) Рафаилом и другими иеромонахами Петром и Герасимом до 1922 г.» (Там же. Оп. 1. Д. 709. Л. 6–8; Д. 35, Л. 66, 11). Подобные факты стали причинами эмиграции в Китай и Монголию многих священников, выразивших лояльность по отношению к белым правительствам.

Серьезным испытанием для страны стал голод 1921–1922 гг., охвативший районы Поволжья, Украины, Казахстана, Урала и Сибири. Существенный вклад в дело помощи голодающим внесли религиозные конфессии Бурятии. Помощь голодающим осуществлялась в разных формах: сбор денежных средств по подписным листам, выдававшихся уполномоченным, тарелочный и кружечный сборы, добровольные пожертвования и др. Так, ширетуем Гыгетуйского дацана к 9 ноября 1921 г. было собрано: советскими деньгами 209.294 р., серебром 2 р.10 к., 6 пудов 11,5 фунтов мяса, 7 фунтов масла, 29 пудов 36 фунтов хлеба, 1 шуба; ширетуем Сартольского дацана 110.00 р. советскими деньгами, серебром 10 р., 7 пудов 10 фунтов ярицы, 1 пара унтов (НАРБ. Ф. 257, Оп. 1. Д. 7. Л. 13, 18). Верующие делали не только благотворительные пожертвования, но и передавали церковную утварь и имущество, не имеющее богослужебного употребления. Доля церквей г. Верхнеудинска, согласно отчету Прибайкальского губкома Помгола, составила 183 р. 55 к. наличными и 703 р. 95 к. товаро-продуктами.

Деятельность священнослужителей, особенно буддийского духовенства была отмечена государственными органами. 23 августа 1922 г. президиумом Центрального Дальневосточного комитета была выражена глубокая благодарность от имени голодающих русских, татар, калмыков и других народностей ширетуй-ламе Цугольского дацана Бабу Николаеву, ширету — ламе Агинского дацана В.Жамцарано, ламе Цугольского дацана Ж. Лютневу, ламе Цугольского дацана Д. Данзанову (ГАЗК. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 136. Л. 19, 152).

С 1923 г. в Бурят-Монгольской АССР стала проводиться регистрация религиозных объединений. Одними из первых были зарегистрированы следующие «общества, не преследующие целей извлечения прибыли»: 5 июля — религиозное общество при Спасской церкви г. Верхнеудинска, 3 августа — религиозные общества при Верхнеудинском Одигитриевском Соборе и при Михайло-Архангельской церкви. 2 августа 1923 г. была зарегистрирована Верхнеудинская еврейская религиозная община. На другой день поступило заявление о регистрации от Верхнеудинского мусульманского религиозного общества, 18 января 1924 г. было зарегистрировано католическое общество г. Верхнеудинска (НАРБ. Ф. р.-475. Оп. 2. Л. 20–22). Старообрядческие общины негативно восприняли обязательность государственной регистрации. Этому вопросу было посвящено специальное закрытое заседание

бюро Бурят-Монгольского обкома РКП(б) от 15 января 1924 г., где было предложено осуществить пропагандистские мероприятия в среде старообрядцев для ознакомления с декретом советской власти и «в целях воздействия, прибегнуть к опечатыванию двух-трех моленных домов» (*Там же. Ф. п.-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 5*). Регистрация старообрядческих общин стала проводиться только с 1926 г.

Политика местных властей по отношению к буддийской конфессии определялась общими установками центра по антирелигиозной борьбе, но с учетом местных особенностей. 23 октября 1923 г. на закрытом заседании президиума Бурят-Монгольского бюро РКП(б) рассматривался вопрос «О ламайском духовенстве». Особо подчеркивалось, что «борьба с ламаизмом должна вестись со всей энергией и всеми средствами и методами... Но, принимая во внимание положение Бурятии, как культурно-политического буфера между СССР и Дальним Востоком, необходимо в деле борьбы с ламством подойти к делу с особенной чуткостью и осторожностью политического такта» (*Там же. Д. 247. Л. 27*).

Обновленческое движение 1920-х гг. стало следующим шагом в деле борьбы с религией. В Бурятии эта кампания проявилась в православии и буддизме. Отметим, что борьба обновленцев (живоцерковцев) и староцерковцев (тихоновцев) в православной церкви, обновленцев и консерваторов среди буддийского духовенства была вызвана, не только стремлением властей подорвать церковь изнутри, но и стремлением самого духовенства приспособиться к новым историческим условиям.

В Забайкальской епархии начало обновленческому расколу было положено после прибытия весной 1923 г. архиепископа Михаила Орлова и создания под его председательством Забайкальского губернского церковного управления (*ГАЗК. Ф. р.-422. Оп. 1. Д. 12. Л. 5*). После этого архиепископ Михаил созвал в Чите руководителей благочинных округов и раздал им свое управление с запретом поминать на богослужениях патриарха Тихона как лишеного церковного сана. Многие священнослужители со своими приходами подчинились решению церковного управления, перейдя, тем самым, в обновленчество.

По Бурятии наиболее крупными центрами обновленчества были Верхнеудинский уезд, Баргузинский и Троицкосавский аймаки. В Верхнеудинске обновленчество было представлено Одигитриевским Собором, Спасской и Вознесенской церковью. В Троицкосавске обновленцам принадлежали Свято-Троицкий собор во главе с епископом Георгием Георгиевским, Покровская Никольская церковь, Тихвинская церковь в с. Усть-Кяхта, Ново-Селенгинский Вознесенский собор и др. В Баргузинском аймаке было образовано уездное церковное управление во главе с протоиреем Георгием Кузнецовым, в подчинении которого находились 14 приходов (*ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 114. Л. 49, 173–174, 68*). На территории Бурятии в 1924–1925 гг. шел организационный процесс создания

самостоятельной обновленческой Верхнеудинской (Бурят-Монгольской) епархии во главе с Гавриилом Асташевским (*Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917–1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ. 2008. С. 178–179).*

С 1926 г. в православных приходах Бурятии началось восстановление патриаршей церкви. Обновленческие приходы, желающие перейти к православной церкви, должны были представить на имя епископа протокол собрания верующих с покаянием (очным или заочным), а также зарегистрироваться в органах гражданской власти в качестве православной общины, так называемых староцерковцев.

В 1928 г. новым правящим обновленческой Верхнеудинской (Бурят-Монгольской) епархии был назначен архиепископ Сретенский и Нерчинский Василий Макушев. Был проведен епархиальный съезд обновленцев духовенства и мирян с 3 по 6 октября 1929 г. (*ГАИО. Ф. 485. Оп. 2. Д. 110. Л. 79, 183*). Но к концу 1920-х гг. обновленческий раскол становится непонятен населению, страдавшему в то время от антицерковной политики в равной степени и независимо от юрисдикции своих приходов. Начал усиливаться отток прихожан в патриаршую церковь, ряды обновленцев стали быстро сокращаться.

Для буддийской конфессии начало острой борьбы между консерваторами и обновленцами относится ко времени проведения I духовного съезда буддистов Бурят-Монгольских автономных областей ДВР и РСФСР 15 октября 1922 г. Был создан центральный орган административного управления Бурятии — Центральный духовный Совет (ЦДС) во главе с хамбо-ламой, которому предстояло «сменить власть» во всех дацанах — избрать хидские советы, кампания выборов в которые проходила в 1923-1924 гг. На съезде были выработаны и утверждены «Положение об управлении делами буддийского духовенства» и «Устав внутренней жизни буддийского духовенства». Согласно «Уставу» вся движимая и недвижимая собственность монастыря и духовенства объявлялись принадлежностью бесплатного и бессрочного пользования приходской общины. Храмовые казначейства объединялись в одну общую монастырскую кассу, доходы лам обобществлялись (*НАРБ. Ф. п.-1. Оп. 1. Д. 200. Л. 114–115*).

С 1923 г. обновленцы пытались провести в жизнь реформу буддийской церкви согласно принятым на съезде документам. Именно проведение реформы явилось причиной раскола духовенства и мирян на два враждебных лагеря, в основе которого лежало не только отношение к советской власти, но и модернизация религиозных догматов, приспособление к изменившейся идеологии общества.

17 декабря 1925 г. было принято постановление за № 221 ЦИК и СНК БМАССР о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от

государства и школы от церкви. Эта задержка объяснялась поисками особых форм применения советского законодательства РСФСР по отношению к религии в специфических условиях Бурятии. Большинство пунктов постановления определяло правовое положение буддийского вероисповедания, однако, основные положения постановления распространялись на все конфессии.

В ходе реализации постановления Бурят-Монгольский обком партии на своем заседании от 10 февраля 1926 г. поручил СНК Бурреспублики рядом постепенных мер: «а) Уничтожить право собственности и право юридического лица религиозных обществ и организаций; б) идти к уничтожению всяких принудительных сборов, собираемых этими организациями и отдельными лицами; в) к прекращению участия духовных лиц в воспитании и образовании молодежи; г) создать гарантию недопущения светского образования в религиозных школах и наоборот религиозного образования в светских школах» (*НАРБ. Ф. р.-248. Оп. 1. Д. 189. Л. 39*).

Борьба между обновленцами и консерваторами в буддийской конфессии обостряется в 1925–1927 гг. В этот период состоялся II буддийский собор (20–31 декабря 1925 г.), который по своему представительству был обновленческим. Так, собор был представлен 74 членами (58 лам и 16 мирян) от 40 дацанов БМАССР, из них: консерваторы — 21 чел. (18 лам и 3 мирянина), обновленцы — 53 чел. (40 лам и 13 мирян). Лидерами обновленцев были Агван Доржиев, состоявший в личном штате Далай-ламы, хамбо-лама Чойндон Иролтуев, Данжа Мункужапов, Дагдан Дагбаев и др. Среди консерваторов следует выделить бывшего хоринского тайшу Эрдэни Вамбоцыренова, Доржи Бадмаева, ширетую Янгажинского дацана А. Гармаева, ширетую Кижингинского дацана Жамсо Залаева, Бальджира Найданова (*НАРБ. Ф. п.-1. Оп. 1. Д. 657. Л. 111, 82–83*).

На соборе была принята новая редакция «Устава», которая мало чем отличалась от «Устава» 1922 г., за исключением некоторых крайностей. Так, ламам запрещено было иметь обособленные усадьбы, строить большие дома, носить дорогую одежду и обувь, предписано сдавать личные доходы в общую кассу дацана (*Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства. Улан-Удэ, 1964. С. 11*).

В период 1926–1928 гг. проводилась национализация дацанов, при проведении которой резко обострилась борьба между обновленцами и консерваторами. В августе 1928 г. прошел III собор буддистов Бурятии, на котором были подведены итоги обновленческой реформы: были образованы хидские советы, дацаны были переданы в большинстве случаев к обновленцам. Итогом обновленческого движения явилось то, что многие приняли обновленчество формально ради своих интересов, не

признавая ее существа. Немалая часть духовенства оставалась безразличной к проведению реформы.

В целом, обновленческий раскол в буддийской и православной конфессиях проявился в борьбе двух течений по организационным, экономическим, финансовым, имущественным и отчасти богословским вопросам и сопровождался агитационной кампанией, взаимными обвинениями, захватом храмов и др. Однако это было конформистское движение, получившее поддержку советской власти и потому не нашедшее поддержки у населения.

В 1920-е гг. стержнем, на который приходился основной объем пропагандисткой антирелигиозной работы, стала общественная организация — Союз безбожников (1925 г.). Областной Совет безбожников Бурятии был организован в г. Верхнеудинске 2 декабря 1926 г. Своей задачей областной Совет СБ ставил объединение всех трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех ее видах и формах. По данным 1928 г. в БМАССР насчитывалось 23 ячейки, общей численностью 928 чел. Содержание облсоюза обходилось государству примерно в 20 тыс. р. в год (*НАРБ. Ф. р.-581. Оп. 1. Д. 3. Л. 140*).

Руководителями СББ составлялись постоянные отчеты о состоянии и деятельности религиозных общин. Так, в докладе секретаря горсовета союза «Безбожник» Стеценко за 1928 г. дается отчет о религиозных общинах г. Верхнеудинска: «По г. Верхнеудинску имеется 7 молитвенных зданий и групп верующих исповедания иудейского, православного, мусульманского и римско-католического и др. ...Еврейская синагога имеет свой организационный аппарат — бухгалтерию и т.д. Руководителем общины верующих состоит Родовский Моисей Израилевич ...Римско-католическое общество верующих (костел) имеет своего главного руководителя Шевчунас Эдуард Иосипович — ксендз, проживающий в г. Чита, но посещающий костел 2-3 раза в год для проведения службы, здесь происходит полная бесхозяйственность молитвенного здания.... Магометанская мечеть имеет руководителей мулл: Хайрулин, Хакимов, Гасамутдинов. Община бедная, поддерживаемая учредителями, их 56 чел., но в свою очередь, очень сильно внедряющая в мозги бедняка — татарина священные слова Ислама» (*Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. документов. Улан-Удэ, 2001. С. 93–98*).

Таким образом, государственно-церковные взаимоотношения в рассматриваемый период на территории Бурятии эволюционировали в сторону усиления конфронтации, обусловленной реализацией нормативно-правовой базы по отделению церкви от государства. Маневрирование региональной власти, обусловленное трудностями национально-государственного строительства и социально-экономических преобразований, оказывало влияние на динамику сокращения социального значения религиозных институтов.